

ШКОЛА

Посвящается 310-летию города Бийска

Старый воин, бывший драгун Бийского гарнизона, сидел на берегу реки, под стволом старого осокоря, которому на первый взгляд было далеко за сотню лет. Кора нагрелась на осеннем солнце и отдавала тепло старому изможденному телу, вверху шумели на ветру листья. Изредка один, два отрывались от веток и тихо планировали на прибрежную полосу песка. А наиболее смелые долетали до воды и, тихо качаясь, уплывали по течению. По-над обрывом играла стайка ребятишек, которые получили великодушное разрешение дядьки отдохнуть от занятий. Он и сам увлекся отдыхом и теперь то ли задремывал и урывками просыпался, чтобы не потерять из вида мальчишек, то ли ему вообще эта картина снилась.

Осеннее солнышко ближе к обеду совсем разыгралось, распогодилось и отчаянно отдавало тепло людям. Завтра уже, даже при ярком свете, не будет того тепла, которое сегодня так расслабило старого вояку. Повернется земная ось, и боком будет звезда гладить поверхность. Вот и пусть порезвятся малые. Окончат школу, станут служивыми людьми, там-то с них и спрос другой будет. Военский начальник за мамку и за пап-

ку будет. Заботу проявит и спросит, ежели чего, строго.

Он был назначен приказом коменданта крепости учителем в школу. Появилась надобность пополнения гарнизона грамотными военными кадрами, возникла и проблема обучения ратному делу с малых возрастов. Вот и была создана «школа школьников», где мальчишки солдатских семей учиться стали. «Музыке барабанчищевой, науке играть на флейте да грамоте, счету и всякому строевому и до воинской службы и ее порядков принадлежащие». Для присмотра и учебы ради назначили двух отставных солдат – его да Тимофея. Мальчишек из казачьих да драгунских семей набрали, сначала один класс. Главным учителем священника Петропавловской крепости Александра Мефодиева поставили, ну а они, значит, в помощники.

Грех сказать, какие там учителя, смешно с мальцами команды раздавать, да прижились, присмотрелись, и пошло дело. Через два года по 60 казачьих и драгунских мальчишек уже науке принадлежали. Чуть ли не единственная школа в Сибирских крепостях. Вскорости послали из Омского

гарнизона двух унтер-офицеров. И то дело, учеба серьезнее пошла. А они с Тимофеем в догляд назначены да на подхвате.

Судьба выбрала его для службы в армии. У семьи имелась деревенька, дворов двадцать всего. В армии нужда тогда великая образовалась, и особенно в конно-пеших, мобильных воинах, драгунах, значит. Комплектовали тогда просто – решено было приглашать иностранцев исключительно на должности начальников, то есть офицеров, солдат же набирать из беспоместных и малопоместных дворян, боярских детей, так называемых «охочих вольных людей» и «новокрещённых татар». Вот и загремел на двадцать пять лет.

Надобность в драгунах действующей армии скоро исчезла, легкую кавалерию создавать начали. А драгунские войска наловчились использовать в гарнизонной службе. В таком месте, как Бийская крепость, очень ценилось умение воевать и в конном, и пешем строю. Джунгары покоя не давали, вот и ходили в рейды с казаками ясак собирать. А в горах попробуй не иметь таких навыков, быстро на тебя управу найдут.

Служба шла своим чередом, да вести из дома шли нерадостные. Разорились родители, поместье с молотка ушло, некому оказалось на защиту встать. Единственный сын у них рос. Быстро и скоро отец с матерью прибрались на деревенском погосте. Возвращаться некуда, и он продолжал служить. Теперь вот свои знания детям передает.

Совсем расшалились, надо бы приструнить. Да что-то подсказывало, что не нужно детей останавливать, пусть отдыхают. Они затеяли игру «чехарда» и увлеченно прыгали попеременно через веду-

щего. Дети были разных возрастов, споры возникали часто. Драгунские дети особняком стояли против казачьих, а те тоже спуску не давали. Но драк не допускали, что с того, если родители по-разному судьбу свою строят. Что драгуну, что казаку достается в гарнизоне служба. Конечно, казакам-то вольнее. Да только сибирские никогда вольницей не пользовались. Нельзя смешивать вольных сыновей Тихого Дона, Ямка или Терека с сибирской, да и оренбургской «царской ратью», ибо за Уралом никогда не существовало вольной казачьей общины.

Сибирское служилое войско образовало центральное правительство из остатков дружины легендарного Ермака Тимофеевича и стрелецких отрядов, присланных за Урал по следам казачьей ватаги; оно же «прибирало» или «верстало» людей на службу по разным гарнизонам и платило им денежное, хлебное и соляное жалованье. В отличие от служилых людей по отчеству (дворян центральной России), сибиряки никогда не имели наследственных привилегий.

Изменения системы пограничной охраны в том, что станичный, рассеянный принцип охраны границы со временем преобразовался в линейный. Его суть заключалась в том, что вдоль всей южной границы Сибири были построены укрепленные пограничные линии, где в каждом укрепленном пункте разместились отряды регулярных и нерегулярных войск. Между линейными опорными пунктами постоянно курсировали конные разъезды.

Он и сам не раз бывал в таких переделках, что выживалось с трудом. И никто никогда не делил

служивых людей, не требовал для себя каких-то преимуществ. Вот и мутуют друг друга Петька – казачий сын, и Степка – сын драгуна. От этого только крепче станут да научатся тяготы воинские переносить.

Казачка Пелагея привела своего в школу, когда уж вдовствовала не один год. С мужем ее, знатным рубакой, не раз хаживали за «ясаком» к Телеуцкому озеру. В районе этого большого водоема и сложил голову ее Василий. Оставлен был отход обоза зимой прикрывать от джунгарских воинов. Уходили сборщики налога по руслу реки, лед встал уже. Да только вражьи сыны на порогах подкараулили и решили добычу ту отнять. Опять же преимущество у них было в том, что берегом шли, и лошади в снегу не так скользили, потому и быстрее шли. Старший разъезда только и крикнул вознице да двум конным, чтобы отходили. А сам в гущу боя ринулся. Поздним вечером, стемнело уже, остановились возле острова. Вскорости и прикрывающие отход подоспели, только старшего не было, который налог от потравы спас.

Часа через два дозорный в ружье поднял, коня почуял. И действительно вынес скакун своего хозяина. Тот за гриву уцепился мертвой хваткой, а в спине стрела джунгарская торчит. Конь и шел медленно, чтобы седок не соскользнул. Любовь большая у Пелагеи была, долго плакала. Сына никак в школу не отдавала, да сломило ее время, и она привела мальчишку в учебу. Пусть ратное дело изучает да за отца постоит.

Петя – сын драгунский. Тоже отца извели вражеские племена. В один летний денек крестьяне сено косить поехали, да не

предупредили, что от крепости отлучаются. Налетели воины хана, намерились в полон взять. Мужики отчаянно сопротивлялись, зная, чем им грозит плен этот. Косой-горбушей отбивались. Завезли тогда в Сибирь такое диво – сено заготавливать. Татарские калмыки-то никогда сена и не готовили на зиму. Потому для них и оружием страшным этот крестьянский инструмент показался. Порубили нескольких человек, но и сами троих потеряли. Остальных погнали пешими, да не ушли далеко, разъезд подоспел. Учужали опасность, что не сойдет им с рук эта вольность, порубили в пойме мужиков и баб и утекать бегом ринулись. Основной состав разъезда по пойме вдогонку пошел, а двое верхом прошли, по высокому берегу. На них-то и выскочили десять конных, на двоих. Пока основные силы сообразили, что джунгары поймой не пошли, да развернулись. Дело кончено было уже. Как ухитрились вдвоем десять врагов уложить. Вот что значит рубака драгунский.

Отец Ильи можно сказать мирную смерть принял. По весне сибирские реки быстро с теплом вскрываются. А иной год стоят, ждут чего-то. Когда лед сойдет, вода прибывать начинает. Здесь река на север бежит, а там позднее тепло снег топит и лед точит. Вот и возникают заторы, а от них и вода прибывает в руслах. С летом другая напасть, снег в горах таять начинает, и идет коренная водица. Та крушит на своем пути все. Берега подмывает, острова топит, поймы заливают. Крепость на высоком берегу сооружена, да только все одно урон от этого ей бывает. Подтапливает стену крепостную,

порой и к постройкам добирается. Чтобы спасти сооружения, стену да форпосты, сваи бьют, дабы прочность соблюсти. Вот в один год стали ремонт в крепости учинять, сваи били. Сорвался отец Ильи в холодную болотную воду и застудился. А может, водицы ледяной с пылу да с жару глотнул. Родников кругом много, все свежей да холодной водицей радуют. Смеялся и шутил, что не поддастся простуде. Да к концу лета совсем расхворался. К осени вывезли за крепостную стену и похоронили.

Дед Олега возвращался с мало-го разезда, шли налегке вдвоем. Ничего опасности не предвещало. Зима, солнечная погода. Да в Сибири часто бывает, сорвется вдруг из ниоткуда снег, подует ветер. Ничего не видать. Вот и попали в такой заряд два казака на лошадях. Всего-то одну ошибку и сделал Серафим, дорогу решил ногами прощупать, отпустил повод у коня. Пять шагов в сторону сделал и уже не вернулся. Кричи не кричи, ветер такой, что ничего не слышно. Отчаянно боролся за спасение жизни, много шагов в пургу сделал. Да сорвался козырек с крутого берега, засыпал человека. Дышать нечем стало, а обнаружили только к весне ближе, как снег начал таять.

Вот так и жил гарнизон кре-

пости с радостями и печальями. Кажется, и войны-то нет, да только потери случаются. В горах камнепады и реки бурные, да за каждой скалой джунгар скрывается, зимние перевалы пройти не дают, заметают и человека, и лошадь. Хорошо, народ алтайский добрый и всегда на выручку прийти готов. Приехали несколько лет тому назад, попросили подданство Российское. И сразу легче в горах стало. Не все, конечно, рады такому повороту, южные алтайцы отказались и к китайцам подались. Войной грозят, крепостям и острогам русским угрожают. Только северные народы гор поднялись на борьбу, устали двоеданцами быть. Хотят одному царю подчиняться.

Опять же купцы торговать по тропе Чуйской пошли. Налаживают отношения с местными, да и крепостному люду поинтереснее жить стало.

Только нужна «школа школьников» детям солдатским. Дело ратное изучать да Отечеству служить верой и правдой. Будут, как деды и отцы, стоять на защите крепостей линии пограничной. Чтобы людьми такими могущество Российское прирастало.

Старый солдат пошевелился, потянулся под лучами солнца и подал команду:

– Становись...

СОВРЕМЕННАЯ ЛЕГЕНДА О КЕДРЕ

Старый алтаец держал на ладонях комок земли, из которого тянулся к солнцу росток кедра. Краюшка вселенной с зарождающейся жизнью в жилистых, мозолистых руках человека символизировала собой вечность, историческую глубину горной страны. Солнце

просвечивало сквозь иголки, что по пять штук в пучке расположились вдоль всего росточка. Сориентировал по сторонам горизонта и опустил в подготовленную ямку, утрамбовал землю. Полил из фляги, капельки воды попали на хвою и заискрились, словно начали заи-

грывать с деревцем. «Приживется», – подумал мужчина, хмыкнул в бороду, тыльной стороной руки вытер пот со лба.

Неделю тому назад он обнаружил настоящего исполина, даже удивительно, что раньше он не замечал этого дерева. Кедр вымахал к небу метров на пятьдесят, в три обхвата ствол. Простоял на склоне лет восемьсот. За это время выложил высокую пышную подстилку, а округу животные и птицы усыпали орехом. Семена проросли в пространстве между корнями и дали дружные всходы. Все открытое место занято молодой порослью, которая наперегонки тянулась к солнцу. Что поделаться, сильнейший из них заменит старого хозяина, который в ближайшее время должен погибнуть. А остальные зачахнут в тени мощного брата и погибнут.

Поросль этого богатыря старик и использовал для посадки. Привязывал белую тряпочку, узелком, обязательно на север. Выкапывал росток с большим комом земли. Набрал так несколько штук в заплечный мешок, бережно нес к новому месту жительства и там рассаживал ставших родными питомцев.

На сегодня работа закончилась. Он еще минут пять понаблюдал за солнцем, как оно скатывается с небосвода к кромке гор. И с низких мест начинает подниматься туман, словно земля весь день трудилась и вот сейчас взялась испариной. Да и действительно трудилась. Любил это время суток, спадала жара, успокаивалось все живое, и ничто уже не мешало ходу мыслей, которые свободно приходили в голову и овладевали умом и душой человека. Чаще всего при-

ходили воспоминания. Их накопилось достаточно за длинную жизнь, и им нужно время, чтобы напомнить о себе.

Много лет подряд Амыр, что означало спокойный, занимался посадкой кедра. Это дерево полюбил с детства и не мыслил своей жизни без связи с ним. Еще в отрочестве запомнил легенду, как верховный Бог направил на землю оленя, кедра и беркута выбирать себе территорию проживания. Те, после долгих исканий, выбрали Алтай. Более благодатных мест нет на нашей земле, чище и сокровеннее. Воистину сакральные уголки.

Он не считал, сколько лет занимается этим важным делом, просто жалко было алтайскую тайгу, и считал своей обязанностью помочь ей. Особенно чувствовалась необходимость в его труде последние годы. Когда с деревьями начали обращаться небрежно, вывал лесных массивов достиг большого размаха, а восстановлением ресурсов никто серьезно не занимался. Пришла и другая беда – личинка тутового шелкопряда. Это по размаху больше ущерба, чем от пожаров. Огонь останавливается на каменных россыпях да водные источники перескочить не везде может. А мотылек летел облаками, затмевая порой луну. После этой напасти и хвойные и лиственные деревья оставались с голыми ветками, словно раздетые донага.

Любовь к лесу у него жила в сердце с детских лет, а к кедру особенно. Когда он появился на белый свет, времена сложные пришли на Алтай. Голодно и холодно. Спасал в то время подножный корм, особенно это волшебное дерево. Орех и кора давали пищу и защищали от болезней, укрепляли иммуни-

тет. Благо заключалось в том, что жили высоко в горах, почти рядом с альпийскими лугами. Туда и забиралось это мощное дерево. А вот власть новая появлялась редко, до изъятия запасов не доходило. Благодаря этому и выжили в голодное время.

Он часто задумывался, почему занялся этим делом – посадкой деревьев. Сейчас вот и возраст преклонный, родственники ругают и просят не ходить более в горы. Ведь почтенный человек, войну прошел. Всей своей жизнью заслужил отдых. Но только каждое утро, если позволяла погода, брал заплечный мешок, флягу и краюху хлеба и уходил в горы искать очередную россыпь кедровой поросли. Первые из посаженных деревьев давно поднялись и дали полновесный урожай. В силу дерево через шестьдесят лет входит.

Амыр задумчиво пошевелил губами, подсчитывая вслух, сколько лет прошло уж с той поры, как он пришел с войны. Да, много! Столько однополчан ушли на вечный покой, а он все топчет землю. Видно, не все долги отдал родному Алтаю.

Да и не любил он внимания к себе. Особенно в праздники, когда о ветеранах вспоминали. Если все ордена и медали надеть, то уж и пиджак не поднимет. Его не забывали, приглашали везде, усаживали на почетное место. Да только оживал и дышал свободно он в горах, среди своих близких сердцу деревьев.

Он вспомнил свою Айбалу – красивая, как луна. Кроме нее у него никого и никогда не было. Еще на свадьбе, когда исполняли древний обычай, все пошло не так. Молодые мужчины, име-

ющие здоровых детей, сложили очаг. Любовно обмазали его глиной. Подготовили дрова, трут. При разведении огня трут вспыхнул в нескольких местах, и сразу за спиной зашептали бабки. Нехорошая примета – овдовеет в скором времени кто-то из молодых. Да веселье свадебное отогнало дурные мысли. Поженились они в мае, а в июне война пришла в общий дом. С первым призывом добровольцев он ушел на фронт.

Прошел он всю войну рядовым, почти до Вены дошагал. Воевал простым снайпером, немало врага положил. Руку Командующий фронтом жал, благодарил за службу. От беды и от смерти, видно, молитва верной жены спасала да сноровка, приобретенная охотником в алтайских горах. Умел так замаскироваться, что не один враг не видел его на поле боя. Всякий раз, когда приходилось для маскировки ветку от дерева отломить, прощения просил. Соблюдал традиции своего народа. Уже в самом конце войны и его догнала вражья пуля, вернее, осколок. Удивительно, но спас его кедр, не свой алтайский, а альпийский. Накрыло воина минометным огнем, враг зло огрызался, мина взорвалась недалеко, да все осколки в ствол дерева ушли, один только путь к телу нашел. Отлежал в госпитале, а с победными эшелонами домой вернулся.

Попутками и пешком добирался, обрадовать жену хотел, да опоздал. Улыбался горам и Катуню, душу Алтая вновь почувствовал. Словно народился заново. Да только не встретила любимая его на пороге.

Все бабы в то тяжелое время работали на лесоповале. Война много дерева требовала. В этот

день, подружки рассказывали, сердце у нее болело. Словно беду чувствовала. Поскользнулась она у очередного ствола, а сил быстро подняться и увернуться не хватило. Только и охнула, когда лесина придавила ее ко мху. Бабы быстро впряглись, отодвинули упавшее дерево. Поздно. Не дождалась солдатка.

Когда время сопоставили, оказалось в один день его осколком на землю бросило, а ее под лиственницу затянуло.

Погоревал он на могиле жены и в работу с головой ушел. Промысловым охотником. Полюбил одиночество. На деревья в тайге смотреть не мог, обида в душе затаилась. Позже понял, что его-то кедр спас. Как осознал это, так и занял себя посадкой саженцев. Хорошо тайгу подправил и поднял.

Душа Алтая великодушная и щедрая, частицу свою и ему передала. Ненавязчиво отпаивала его песнями ветра, шепотом рек, раскатами грома в горах. Отошел он сердцем и помогал родному месту всеми своими силами.

Старик поднялся на пригорок, сел возле большого кедра, прислонился к нему спиной и прикрыл глаза. Вспомнилась старая легенда.

«Однажды в глухой тайге утомленный охотник расположился на ночлег под древним раскидистым кедром. Кедр был очень стар, весь покрыт извилинами, с кривыми ветвями, а на земле под кроной опавшая за всю его жизнь хвоя лежала толстым слоем. Крепко заснул охотник на прекрасной хвойной подстилке. Перед утром он проснулся оттого, что до его слуха донесся чей-то стон и тихий разговор. Это толковал старый кедр, под которым спал охотник, молодому, стоявшему рядом. Старый стонал и жаловался молодому, что обессилел и не может стоять. «Что ж ты не падаешь, ведь я слышал об этом ещё вчера?» – удивленно заметил молодой. «Да, – ответил старый кедр, – я упал бы ещё вчера, но подо мной лёг спать уставший человек». Пожалел охотник старое дерево, поднялся, крепко обнял когда-то могучий ствол и отошел в сторону. Закачался старый кедр и со вздохом облегчения упал на землю.

Воспоминания принесли приятную истоми, шумел ручей, и о чем-то пела кедровка. Звала за собой в грядущий день.

Амыр улыбнулся, глубоко вдохнул.